

В. Е. БеленкоНовосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mikeslon@mail.ru**РОССИЙСКИЙ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ДИСКУРС С ПОЗИЦИЙ КОНЦЕПЦИИ
ПРОЦЕДУРНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ ***

Социально-философская теория, ставя перед исследователями задачу понимания общества как целостной системы, большое внимание уделяет законам и движущим силам его функционирования и развития. Важнейшим социальным институтом современного общества являются политические выборы. Внимание философов они привлекают в разных контекстах: от классической проблемы свободы и ответственности до проблем воспроизводства социальных практик. С философско-методологических позиций возможно также рассмотрение электорального выбора в ряду того множества решений, которые принимает человек в процессе своей жизни.

Принятие решения как многофакторный, многоступенчатый, но все же целостный по своей сути процесс, можно анализировать с разных исходных позиций. Рассмотрим принятие решений как информационный процесс, при котором имеющиеся в «распоряжении» электората знания, сведения, оценки и т. д. существенным образом влияют на результат этой комплексной процедуры. Это особенно актуально в России, где современное состояние электоральных решений представляет собой тревожную картину: неясно, будут ли выборы основой для формирования исполнительной и законодательной власти или продолжится наметившаяся тенденция сокращения сферы влияния избирателей на политический процесс в стране и регионах. Все это ставит перед исследователями вопрос: есть ли способ повысить уровень осмысленности, подготовленности при

принятии решения о голосовании? Что и как может способствовать усилению роли «рациональных» стратегий мышления и поведения при самоопределении избирателей?

Анализируя российский электоральный дискурс¹ как информационное обеспечение конкретной ситуации голосования, рассмотрим выборы как процесс принятия решения, самоопределения, которое «реально тогда, когда масса распадается на личности, освобожденные от всякой пропаганды, зависимости и манипуляций, способные знать и понимать факты и оценивать альтернативы» [Маркузе, 1994. С. 330].

В данной работе понятие «рациональность» возникает в таком контексте, как «рациональное решение о голосовании», «рациональный выбор». Оно требует подробного рассмотрения, поскольку, оставаясь не объясненным, дает простор для субъективизма. Действительно, что такое «рациональное решение»? Такое же, как у меня (потому что уж я-то точно разумный и рациональный человек)? Способное привести к запланированным результатам? Востребующее рефлексивные возможности субъекта? Соотносимое с понятиями морали (как у Ю. Хабермаса [1995]) и справедливости (как у Д. Ролза [1995])? Большая вариативность понимания рациональности (как в бытовом словоупотреблении, так и в качестве философской категории) позволяет говорить о ней не просто как об ответе, объясняющем отличие людей от других живых существ и задающем некий уровень, которому должны соответствовать представители homo

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 06-03-00410а).

¹ О понятии дискурса и об электоральном дискурсе в общем см.: [Беленко, 2006. С. 78–81].

sarience, но и как о проблеме, привлекающей многих исследователей (см., например: [Автономова, 1988; Шевченко, 1993]).

Трудности понимания и интерпретации рациональности приводят к спецификации этого термина до субъективной, ограниченной, удовлетворительной, целерациональности и т. д. Для придания понятию «рациональность» инструментальной значимости – как следует поступать, чтобы приблизить свое решение к рациональному – обратимся к *процедурной* рациональности при принятии решений. Рациональное решение в этой концепции согласуется с классическими представлениями о рациональности как о правильно, аналитически, выполненном рассуждении, которое выражается в определенной процедуре, состоит из компонентов анализа, генерирования идей, расчета и логического вывода. При этом сам факт соблюдения процедуры еще не предполагает, что анализ действительно был глубоким, генерирование идей эффективным, а выводы обоснованными. Поэтому решение тем рациональнее, чем более оно, во-первых, соответствует определенным фазам процедуры, и во-вторых, получено при более высоком качестве составляющих процедуру компонентов анализа и вывода. Таким образом, в теории процедурной рациональности можно говорить о возможностях повышения рациональности, использовать понятие «рациональность» как «руководство к действию».

Возьмем за основу модель (см.: [Диев, 2001. С. 47–48]), в которой принятие решения представлено в виде последовательности этапов подготовки и реализации решения. Хотя сама ситуация, когда избиратели практически не участвуют в формировании альтернатив – списка кандидатов – когда кандидаты сами изъявляют желание и поэтому (хоть и вследствие сбора подписей) становятся участниками выборов, значительно сужает процесс волеизлияния и самоопределения. «Свободные выборы господ не отменяют противоположности господ и рабов» [Маркузе, 1994. С. 10].

Примерно с середины XX в. исследователи, занимающиеся теорией принятия решений, стали отмечать, что внешняя среда не должна рассматриваться только как объект, над которым осуществляется субъектная деятельность человека. Формирование знаний о внешней среде должно также включать-

ся в поле интересов теории принятия решений, поскольку «человек принимает решения внутри и в зависимости от сложившихся вокруг него коммуникативных связей» [Сорина, 2005. С. 46]. Нобелевский лауреат Герберт А. Саймон писал: «Работа по исследованию механизма формирования ожиданий представляет собой значительное расширение границ классической теории, так как, вместо того чтобы рассматривать внешнюю среду как данную, известную принимающему решение, она включает в теорию процесс приобретения знаний о внешней среде. Этим она побуждает нас включать в модель экономического человека его свойства как обучающегося, оценивающего, исследующего, перерабатывающего информацию организма» [Саймон, 1978].

Э. Даунс, изучая политическое поведение граждан, показал, что избиратель стремится к снижению затрат на получение политической информации. В этом и есть его рациональность, направленная на минимизацию усилий для достижения цели: голосования [Downs, 1957]. Поэтому избиратели не стремятся сами разыскивать информацию о голосованиях, программах, платформах и т. д., ожидая, что необходимая им информация сама достигнет их по каналам межличностной и массовой коммуникации. Причем информация должна быть такой, чтобы позволить процессу принятия решения о голосовании, во-первых, максимально соответствовать схеме, ведущей к выработке оптимального решения, и, во-вторых, иметь такую информационную базу, которая бы обеспечивала высокий уровень компетентности при самоопределении.

Электоральный дискурс – источник сведений, которые должны быть достаточными, учитывая желание избирателей минимизировать затраты на самостоятельный поиск информации, для выработки рационального (в смысле процедурной рациональности) решения о голосовании.

Было бы ошибкой полагать, что избиратель, как губка, впитывает все многообразие информации, поступающей к нему из разных источников, чтобы затем предаться расчетливому анализу о своей и, главное, социальной пользе в случае того или иного исхода выборов. Люди выборочно реагируют на поток политической, как и любой другой информации. В их психике действуют крайне слож-

ные механизмы фильтрации, отсеивающие ненужные данные и высвечивая нужные. «Нужность» и «ненужность» зависит от когнитивного соответствия поступающих сообщений уже сложившимся оценкам и убеждениям. К тому же существуют важные связи электоральных предпочтений с оценками российскими избирателями своих способностей и перспектив встраивания в новые для многих условия [Нуреев, 2005. С. 248], а также перевесом у мало информированных избирателей ретроспективных оценок: удовлетворены ли они прошлой деятельностью правительства, «было ли то, что было, достаточно хорошо».

В предлагаемой в данной работе модели выборы рассматриваются как процедура коллективного найма временного (на определенный период) управляющего страной или группы лиц, которая будет в течение оговоренного периода (четыре года в России) заниматься конкретной работой на конкретной должности. Тогда логично предположить, что в дискурсивных практиках общества, в том числе в текстах СМИ, должны находить отражение следующие этапы предвыборной кампании, характерные для найма топ-менеджера.

Принятие решения всегда начинается с формулирования проблемы. А проблема осознается при помощи вопроса. «Всякий вопрос по делу – уже мостик к ответу. Ответ по существу – всегда просто последний шаг спрашивания... Ответ по существу есть лишь начало ответственности» [Хайдеггер, 1993. С. 37], в которой просыпается изначальное спрашивание. Поэтому первая тема, которую необходимо раскрыть, чтобы выбор избирателей был приближен к процедурной рациональности, – чем предстоит заниматься будущим избранным чиновникам. В чем заключаются функции избираемого чиновника и чем конкретно занимаются депутаты? Как строится работа, к примеру, Государственной Думы? Кто предлагает законопроекты? Кто согласовывает их с уже принятыми законами? Это позволит сделать вывод о критериях оценки кандидатов: например, необходимо ли будущему депутату юридическое образование? Или существуют подготовленные консультанты, советники, которые и отслеживают эти вопросы, а депутату важно знание и опыт работы в определенной отрасли экономики, интересы которой будут законопроекты затрагивать?

Подобные темы обходятся российскими средствами массовой информации как «сложные» и «скучные». Такой вывод позволяет сделать анализ «фактического материала», которым стали исследования Левада-центра, Центра социологических исследований МГУ и контент-анализ новосибирских областной и городской газет за предвыборный период 1995, 1999, 2003 гг. Те элиты, которые определяют содержание газет, журналов, радио- и телепрограмм, удовлетворены таким положением дел, и первая процедура принятия решения о последующем голосовании не выполняется на должном уровне. Как раз потому, что «верхи не хотят», а низы, в свою очередь, испытывают большие трудности с формулированием верхам своего вопроса (запроса), так как при недостаточном политическом, демократическом просвещении непонятно, о чем, собственно, спрашивать. И стоит ли вообще что-то спрашивать, в то время как гораздо проще поддержать предлагаемое?

Второй стержневой вопрос: какие проблемы избиратели хотят решить, выбирая этого человека? Это одна из самых сложных для освещения тем, потому что здесь разворачивается широкий простор для эвристик и манипуляций. Несмотря на насыщенность российского электорального дискурса социальными проблемами, упоминание их в текстах и сюжетах средств массовой информации имеет совершенно иную цель, нежели по возможности объективное и отстраненное рассмотрение существующего положения общества и направлений его развития. Причем направление развития, цель – более важная тема, чем собственно список негативных явлений. На данном этапе необходимо проанализировать и определить условия и факторы решения проблем, реализации целей, вплоть до возможных методов их достижения. Потому что, неумение уяснить проблемную ситуацию – разность между текущим неудовлетворительным положением дел и оптимальным состоянием, которого требуется достичь, – основной атрибут иррациональности россиян [Савельзон, 2005. С. 37].

Следующий ключевой вопрос, соотносимый с такими фазами принятия решения, как поиск альтернатив, выбор критерия, оценка альтернатив: какими качествами должен обладать парламентарий или искомый руково-

датель, и как их будут оценивать? Понять это важнее, чем определить, кто именно ими станет. Многие исследователи формулировали, какие качества требуются «идеальному» руководителю (обзор концепций личности руководителя приводит, например, В. С. Диев [2001. С. 66–68]). Обратимся к работам современных политических философов В. В. Ильина и А. С. Панарина [1994. С. 271–282] и попытаемся сформулировать, не выделяя приоритетов, те качества, которые требуются от современного политика.

Рациональность. Но не только процедурная или целерациональность, фиксирующая оптимальность, эффективность деятельности. Но и рациональность Ролза и Хабермаса, рациональность справедливого и морального, единственно возможная в социуме, чтобы не было сформулировано, что «цель оправдывает средства». Такая рациональность, которая может быть названа *аксиологической*: она, как способность суждения у Канта, выходит за пределы теоретико-познавательной сферы, в область этического, подчиняясь социальным детерминантам.

Реалистичность. Понимание разницы между утопией и реальностью. Между реальностью и мечтой, которая не съедобна, в которую еще только предстоит добавить фруктов и сахара, чтобы она стала вареньем (С. Е. Лец). «Недопустимо расстраивать реалии в угоду символам» [Ильин, Панарин, 1994. С. 273], воспарять над реальностью в спекуляциях.

Толерантность и гибкость. Понимание политики как «путешествия в одной лодке». А значит – нацеленность на сотрудничество, на «переговорную силу», а не на просто силу, потому что лучший боец – не самый сильный, а тот, кто умеет избегать столкновений, раскачивающих общую лодку.

Ответственность. Наибольшие трудности вызывает необходимость определить, возможно ли вообще рассматривать ответственность как качество человека. Или только как состояние расплаты, наступающее после неудачного решения. Ответственный человек – это какой? Чем он будет отличаться от безответственного, если предположить, что расплата наступает независимо от субъективной воли лица, принимающего решение. Однако на государственной службе чем выше должность, тем легче уйти от расплаты и, следовательно, ответственности: «это

генералы сказали, что жертв не будет», «это советники ошиблись». А поскольку мы рассматриваем претендентов на выборные должности как исполнителей определенных функций, реализаторов поставленных перед ними избирателями целей, то ответственность как качество политика будем понимать как самоответственность, готовность признать неудачу и уступить место другому.

Человеколюбие. Не место в политике тем, кто воспринимает народ как объект собственных властных устремлений. Волеизлияние избирателей – не помеха, от которой надо отмахнуться или преодолеть. «За идеал можно гибнуть. Но индивидуально. <...> Приемлемы лишь не ущемляющие народной судьбы, крепящиеся на ясных, обозримых целях, ориентирующие на повышение уровня жизни реалистические проекты социотворчества» [Ильин, Панарин, 1994. С. 279].

Следующий комплекс вопросов, ответы на которые способны приблизить избирателей к процедурной рациональности: что собой представляют претенденты? Здесь важно сместить ответы с оценок, эмоций и намерений к действиям и фактам, т. е. объективировать сведения о кандидатах или лидерах партий. В том же виде, в которых предвыборные кампании проходят через каналы массовой коммуникации сейчас, можно назвать их индустрией впечатлений, но никак не мнений. Источником эмоций и оценок, а не фактов.

Когда речь идет об объективации сведений о партиях и кандидатах, то одним из наиболее ценных источников информации должна стать их программа. Но поскольку большинство программ российских партий – декларации о том, «чего мы хотим» (конечно, только хорошего), а не «как это сделать», то медиаторы, на которых ложится ответственность за качество информации, на основе которой избиратели будут выносить свои собственные оценки и суждения, должны предоставить ее избирателям в доступной для сравнения форме. Причем среди возможностей журналиста как конечного элемента колоссальной империи современных СМИ – не просто выявить и проанализировать крупницы информации в программах, но и лично обратиться к политическим деятелям за разъяснениями спорных моментов.

Именно такие дискурсивные практики, соответствующие основным этапам принятия решений, на наш взгляд, должны предо-

ставляться, но практически не предоставляются российским электоральным дискурсом. И поскольку каждая предыдущая фаза при принятии решения подготавливает последующую, то ни одна из них не должна быть пропущена, не должна остаться без внимания лиц, организующих обмен информацией. Так, именно информация о том, чем предстоит заниматься кандидату на той должности, на которую он претендует, должна ложиться в основу критериев для его оценки. А понимание того, каких изменений можно добиться с помощью законотворчества, и, главное, понимание путей, с помощью которых это можно сделать, позволит отойти от гиперперсонификации власти, приблизиться к рассмотрению ее всеми гражданами как средства управления страной. Иначе говоря, поможет рассматривать выборы как найм, а работу депутата или Президента – как временную работу, которую они выполняют по заказу своих работодателей (избирателей), а не самоценное, сакральное состояние. В то время как сейчас «положение, при котором “слуги народа” на самом деле являются хозяевами страны, не воспринимается в России как абсурд» [Савельзон, 2004. С. 4].

Итак, принятие решения и осуществление выбора зависят от того, в каком информационном поле это происходит: как человек видит и формулирует задачу, на основании каких критериев оценивает успешность или неуспешность реализации поставленной цели. Именно на этапах анализа ситуации, кандидатов, анализа их соответствия предполагаемым должностям и поставленным перед ними задачам очень важно, как тема выборов «прорабатывается» в коммуникативном пространстве общества. Поскольку таким образом задаются основные параметры когнитивных схем и классификаций, и функционирование политического института, в том числе выборов, становится (или не становится) само собой разумеющимся, а самоопределение – рациональным или нерациональным. Учитывая желание избирателей минимизировать затраты на самостоятельный поиск информации (так называемое «рациональное неведение»), они ожидают, что необходимая им информация сама достигнет их по каналам межличностной и массовой коммуникации. А значит, электоральный дискурс должен поставлять информацию такого разнообразия и качес-

тва, чтобы позволить процессу принятия решения о голосовании максимально соответствовать алгоритму, ведущему к выработке оптимального решения. Российский же электоральный дискурс этим требованиям не соответствует.

Список литературы

Автономова Н. С. Рассудок. Разум. Рациональность. М.: Наука, 1988. 288 с.

Беленко В. Е. Электоральный дискурс как социальный феномен // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2006. Т. 4, вып. 1. С. 75–86

Диев В. С. Управленческие решения: неопределенность. Модели, интуиция. Новосибирск, 2001. 163 с.

Ильин В. В., Панарин А. С. Философия политики. М.: Изд-во МГУ, 1994. 283 с.

Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. М.: RELF-book, 1994. 341 с.

Нуреев Р. М. Теория общественного выбора. М.: ГУ ВШЭ, 2005. 531 с.

Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск, 1995. 536 с.

Савельзон О. Политика эффективности – новое решение // Вопр. философии. 2004. № 10. С. 3–19.

Савельзон О. Культура принятия решений как фактор прогресса России // Вопр. философии. 2005. № 10. С. 31–45.

Саймон Г. А. Теория принятия решений в экономической теории и науке о поведении // http://upr.perm.ru/Module_2/methodic/Source3/article1.shtml, 1978.

Сорина Г. В. Принятие решений как интеллектуальная деятельность. М.: Гардарики, 2005. 253 с.

Хабермас Ю. Производительная сила коммуникации / Демократия. Разум. Нравственность. М.: АО «КАМІ»; изд. центр «ACADemia», 1995. 245 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Шевченко А. А. Практическая рациональность как методологическая проблема общественного познания: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1993. 21 с.

Downs A. An Economic Theory of Democracy. N. Y.: Harper, 1957.